

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 342.56(510)
DOI 10.18101/2658-4409-2021-1-29-41

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В КНР

© Будаев Капитон Аюрзанаевич

кандидат юридических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
kmkaf@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике. В работе оцениваются исторические и социально-политические факторы, повлиявшие на распространение коррупции в государственном аппарате Китая, а также меры, предпринятые действующим руководством китайского государства в борьбе с ней. В рамках историко-правового анализа процесса формирования современной правовой системы Китая оценивается необходимость принятия тех или иных законов, в том числе направленных на изменение текста Конституции КНР. Анализируется роль конституционных поправок, отдельных специализированных законодательных актов в предупреждении и противодействии коррупционному поведению чиновников. Опыт законодательного противодействия коррупции в Китае может быть использован в российских условиях, формулируются предложения в данной сфере.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; коррупция; антикоррупционная политика; конституция; законодательство; модернизация; правовая реформа.

Для цитирования

Будаев К. А. Конституционно-правовое регулирование борьбы с коррупцией в КНР // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2021. Вып. 1. С. 29–41.

Как известно, с конца 1978 г. в Китайской Народной Республике (КНР) началась крупномасштабная реформа экономики, получившая название «Четыре модернизации» в промышленности, сельском хозяйстве, армии, науке и технике, а также осуществление программы «Политика реформ и открытость».

Интересную точку зрения по поводу политики реформ и открытости в КНР выразил руководитель Школы востоковедения ВШЭ профессор Алексей Маслов, отвечая на вопрос: «С чего Китай начал свой взлет и как китайцы относятся к предпринимателям?». По его мнению, Китай начал с постепенных экспериментов. Специальные экономические зоны (СЭЗ), ставшие символом иностранных инвестиций, сначала были созданы в нескольких приморских районах. И только затем опробованный в них режим распространили на всю страну.

Можно выделить как минимум четыре вопроса, которые Китай решил иначе, чем Россия. Во-первых, основные предприятия остались в собственности

государства, поэтому представителям частного бизнеса пришлось создавать новые производства. Во-вторых, условия для привлечения иностранного капитала были установлены довольно жесткие. Китайские власти предоставили иностранным компаниям рынок для сбыта товара, но при этом активно заимствовали имеющиеся у них технологии производства. В-третьих, проводилась последовательная политика по поддержке курса национальной валюты — юаня. В-четвертых, вплоть до конца 1990-х гг. заработанная на территории Китая валюта не могла быть вывезена за границу, тем самым китайские власти аккумулировали свои валютные резервы [5].

Также А. Маслов отмечает хорошее отношение китайских властей к предпринимателям. Они, с одной стороны, поддерживали развитие предпринимательства, не рассматривали частных бизнесменов как «жуликов», а с другой — четко разделяли интересы бизнеса и государства. С древних времен в Китае торговцам невозможно было занять должности на государственной службе. Такой подход сохраняется и в наши дни. Невозможно представить ситуацию, при которой представители бизнеса переходят на высокие посты в государственном управлении, или наоборот: чиновники высокого ранга становятся управляющими бизнес-империей. Не приветствуется также занятие коммерцией членами семей руководителей партии и государства [5].

По информации политолога-международника Антона Барбашина, Китай все более уверенно чувствует себя в роли поднимающейся экономической и военной державы. Он «заваливает» Америку своими товарами (экспорт в США в 2012 г. составил 319,4 млрд долларов) и все сильнее привязывает ее к себе как должника (Китай — крупнейший держатель долговых обязательств США: 1,73 трлн к концу 2012 г.). Его военные расходы растут — по некоторым оценкам, в 2012 г. они составили уже 106,4 млрд долларов и стали вторыми в мире [1].

По мнению собственного корреспондента «Российской газеты» Евгения Соловьева, китайское экономическое чудо было бы невозможным без поддержки бизнеса партией и государством. Обеспечивая стабильность политической системы, органы власти создавали благоприятные условия для развития частного предпринимательства. В то же время нельзя не отметить и имеющиеся факты сращивания власти и бизнеса, когда возрастает значение так называемого «административного ресурса». Это, в свою очередь, свидетельствует о распространении коррупции. Конечно, китайские власти предпринимают меры по борьбе с этим явлением, вплоть до установления смертной казни за коррупционное поведение. К ответственности привлекаются как чиновники уездного (местного) уровня, так и представители высшего руководства: министры, мэры крупных городов (в частности, Шанхая) [11].

Еще ранее Ли Куан Ю, премьер-министр Сингапура в 1959–1990 гг., названный Генри Киссинджером отцом сингапурской государственности, сделавший Сингапур лидером в области высоких технологий в Юго-Восточной Азии, поднявший доход на душу населения с 1 тыс. долларов до 30 тыс. долларов, назвал коррупцию проблемой, грозящей тяжелыми последствиями для всего Китая. Коррупция, по мнению Ли Куан Ю, прочно вошла в саму культуру государственного управления. Многие представители высшего и местного руководства замешаны

в коррупционных преступлениях. Это касается и работников правоохранительной системы, судей и прокуроров. Основной причиной этого явилось разрушение базовых моральных устоев в период «культурной революции». В то же время присущие высшему руководству Китая прагматизм и решительность, позволившие реализовать экономические реформы, способны помочь им и в преодолении этих трудностей [4, с. 539–540].

По мнению П. В. Трощинского, Конституция КНР 1978 г. стала основой правотворческого процесса [12, с. 67]. В год принятия Конституции 1978 г. на состоявшемся Всекитайском совещании по вопросам законодательного строительства была обнародована в форме доклада политико-юридической группы ЦК КПК программа принятия или восстановления наиболее важных для страны законодательных актов:

- 1) в хозяйственной сфере (в целях восстановления экономического порядка, скорейшего привлечения зарубежных инвестиций);
- 2) природоохранительной сфере (требования защиты экологии);
- 3) сфере охраны общественного порядка (восстановление разрушенных правоохранительных органов);
- 4) сфере организации государственных органов (восстановление разрушенных органов государства).

После пятнадцатилетнего перерыва важным правовым актом явилось Положение КНР «Об арестах и задержаниях» 1979 г. Этот документ способствовал совершенствованию правового регулирования в уголовной и уголовно-процессуальной сферах, преодолению негативных последствий политики «культурной революции».

Важной новеллой в законодательстве становится принятие в 1979 г. Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов (впервые после образования КНР в 1949 г.). Также в конце 1970-х – начале 1980-х гг. опубликованы законы, регламентирующие деятельность народных судов, народной прокуратуры, статус адвокатуры и нотариата.

Все это стимулирует развитие юридической науки и образования. В высших учебных заведениях Китая открываются юридические факультеты и институты, преподаватели получают возможность выезжать в другие страны для повышения своей квалификации и обмена опытом научной деятельности. В конце 1970-х гг. издаются первые официальные учебники по юриспруденции, а несколько позже в Народном университете Китая — первые научные монографии.

Перемены в общественно-политической жизни, проводимые экономические реформы потребовали обновления конституционного акта. 4 декабря 1982 г. принимается четвертая по счету Конституция КНР (продолжает действовать и в настоящее время). Из текста Конституции были исключены положения о «культурной революции», закреплен переход КНР к многоукладной экономической системе.

П. В. Трощинский, отдавая должное Дэн Сяопину, отмечает, что за 20 лет проведенной им экономической реформы облик Китая существенно изменился: достигнут один из самых высоких в мире среднегодовых темпов экономического роста, в 4 раза увеличен ВВП на душу населения [12, с. 74]. Коренным образом изменилась правовая система Китая. Законодательство обогатилось большим

количеством новых актов, в том числе и кодифицированного характера. Особое внимание китайские власти уделяли законодательному оформлению проводимых экономических реформ. В области государственного управления был восстановлен пост председателя КНР, реформирована организация и деятельность органов суда и прокуратуры. Более четко разделялись полномочия партийных и государственных структур. Имущественные отношения были урегулированы рядом новых законодательных актов, среди которых особую роль сыграли Общие положения гражданского права.

В социально-правовой сфере приняты законы КНР о защите инвалидов, защите несовершеннолетних, о профессиональных союзах, об обеспечении прав и интересов женщин, безопасности на шахтах и рудниках, об Обществе Красного Креста, а также Трудовой кодекс, Закон КНР о защите прав и интересов пожилых людей.

Однако нельзя не отметить и ряд проблем, с которыми столкнулся Китай. Среди них обострение социальных противоречий, вызванных возросшей разницей в доходах населения, рост преступности, распространение коррупции, экологические проблемы, вызванные развитием производства, декларативность ряда положений Конституции КНР, касающихся личных прав и свобод граждан [12, с. 64–76].

В сентябре 1997 г. в Пекине прошел XV съезд КПК, на котором председатель КНР Цзян Цзэминь выступил с докладом. Им было акцентировано внимание на необходимости «защищать авторитет Конституции и законов, твердо придерживаться равенства всех перед лицом закона, никакие лица, организации не имеют превышающих законы особых прав. Все правительственные органы обязаны осуществлять администрирование в соответствии с законом, реально обеспечивать права граждан, осуществлять систему ответственности и систему оценки, проводить проверки в сфере исполнения закона». В докладе также говорилось о стимулировании судебной реформы, гарантиях независимого и справедливого правосудия, ответственности за ошибочные судебные решения, повышении уровня правовой культуры граждан и многом другом, включая коррупционную проблематику. Цзян Цзэминь впервые определил коррупцию как реальную угрозу китайской государственности.

В марте 1999 г. были приняты поправки в Конституцию КНР. В статье 5 было закреплено, что «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством». По мнению Л. М. Гудошниковой, «внесение этого дополнения непосредственно связано с заметным нарастанием и совершенствованием большого количества разнообразных правовых норм. Правовая реформа считается в КНР важным направлением политической реформы и вместе с активно ведущейся административной реформой в известной мере ее заменяет, так как политические институты почти не реформируются. Становление КНР в качестве правового государства — факт позитивный, но пока скорее программа, обращенная к будущему» [10, с. 14].

Еще одна поправка 1999 г.: «на начальной стадии социализма государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность доминирует и другие формы собственности развиваются параллельно,

придерживается системы, при которой распределение по труду доминирует при сосуществовании с другими способами распределения». Партия признала за частным сектором экономики конституционное право на существование и развитие, что является следствием проводимого курса на построение «социалистической рыночной экономики» и значительно изменило содержание статьи 6 Конституции КНР.

Особого внимания заслуживают поправки в Конституцию КНР, внесенные в 2004 г. К этому времени китайское государство уже вступило в ВТО, в правовой системе появились некоторые уникальные акты правотворчества. Предложение о внесении конституционных поправок было сделано на XVI съезде КПК (8–15 ноября 2002 г.)¹.

2001 год стал одним из наиболее успешных для экономического развития страны: КНР вступила во Всемирную торговую организацию. Это вызвало существенное изменение законодательства КНР в области регулирования имущественных и связанных с ними отношений. Появился целый массив актов в сравнительно новых для китайского законодателя сферах (интеллектуальная собственность, банковская деятельность, сфера борьбы с легализацией преступных доходов и др).

Конституционные поправки 1999 г. и 2004 г. привели к принятию новых уникальных законодательных актов. Примером может послужить Закон КНР о правотворчестве, в котором подробно регламентирована процедура принятия актов ВСНП и его Постоянного комитета, Государственного совета и других органов государства. Мы полностью поддерживаем позицию П. В. Трощинского, особо отметившего важность закрепленного в части 2 статьи 90 положения, предоставляющего гражданам КНР наряду с государственными органами и общественными объединениями право на письменное обращение в ПК ВСНП с требованием проверки на соответствие действующих актов правотворчества законам и Конституции КНР [11, с. 88].

В ноябре 2010 г. в Москве прошел круглый стол на актуальную тему: «Россия — Китай». Одним из докладчиков выступил Яков Михайлович Бергер, патриарх российского китаеведения, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, который в своем выступлении отметил: «Проблема коррупции — не основная в моих исследованиях, но, поскольку я, в частности, занимаюсь проблемами экономического и политического развития, конечно, миновать эту проблему невозможно».

Первым пунктом проблемы, которой коснемся, является социально-исторический фон, непосредственно относящийся к вопросу коррупции Китая. Это, на наш взгляд, система межличностных отношений в китайском обществе (по-китайски «гуанси»), которая нигде в мире больше не встречается, во всяком случае в таком виде. Система отношений гуанси — это система не коррупционная, но она создает весьма благоприятный фон и для развития коррупционных отношений. Она подразумевает наличие некоего социального кода,

¹ Поправки к Конституции КНР (15 марта 2004 г.) // Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. 2004. № 8. С. 8–12.

который позволяет определять отношения к другому человеку: «свой» — «не свой». Это могут быть связи по линии места проживания, землячества; связи по линии учебы в одном университете или в одной школе; по работе и так далее.

Второй пункт — социально-исторический фактор, являющийся предпосылкой коррупции в Китае, — это семейственность, прямая или косвенная, и здесь, в отличие от системы гуанси, Китай не является исключением. Сейчас эти связи, конечно, ослабляются, как и система гуанси, но тем не менее они значимы. Вообще система наследования власти по родственной линии, как мы знаем, распространена не только в Китае, но и во многих странах Востока.

В качестве третьего пункта затронем не социально-исторический контекст, а связь с реформами, которые проводились в Китае в последние 30 лет и будут проводиться дальше. Следует подчеркнуть, что коррупция в Китае отзывчива на реформы, видоизменяется, приобретает новые формы по мере того, как продвигаются рыночные реформы. Сегодня коррупция тесно связана с рыночными преобразованиями. Например, в самом начале реформ разгул коррупции был вызван тем, что она удачно приспособилась к так называемой двухколейной системе ценообразования. В плановой системе, родной и для нас, и для Китая, цены определялись просто: начальство их назначало, люди принимали. Когда Китай стал поступательно переходить к рыночной системе, стали действовать две системы цен: одна система — плановая, касающаяся отпускных цен, и вторая — рыночная. Эта система «двухколейного» образования цен давала колоссальный простор для коррупции. Люди могли получать по плановым фондам определенные товары, и эти товары тут же уходили на рынок по совершенно иным ценам. Так начиналась сегодняшняя коррупция в Китае: эти две системы имели чрезвычайное значение для распространения коррупции.

Существовала система двух форм финансирования: бюджетные и внебюджетные формы. Поначалу, когда рыночные отношения стремительно развивались, они затрагивали не только те сферы, где реально и вполне закономерно рыночные отношения могли и должны были иметь место, но и те сферы, где эти отношения, как правило, не развиваются. Это прежде всего армия, затем система образования, система здравоохранения и так далее. Армия, поначалу очень слабо финансируемая из бюджета, получила право зарабатывать деньги для себя, и офицеры, генералы чрезвычайно интенсивно торговали тем, что у них было — живой силой, помещениями, гостиницы создавали... Какая колоссальная коррупция была вращена на этой почве. Затем от внебюджетного финансирования армии и полиции отказались, но корни остались.

Неудачно развивалась реформа здравоохранения в Китае. Сейчас в стране приступают к очередной третьей реформе здравоохранения. Прежняя система позволяла врачам выписывать ненужные дорогие лекарства и тем самым способствовала развитию коррупции в этой сфере.

Четвертый пункт, который содействовал и продолжает содействовать коррупции, — это недостатки политической системы, прежде всего недостатки сдержек и противовесов в отпращивании властных функций. Особую роль в этом играла коррумпированность правоохранительных органов.

И еще один пункт — размывание моральных норм. Не было серьезных политических сдержек коррупции, институциональных форм, но, по сути дела, канули в вечность те моральные нормы, которые прежде все-таки как-то сдерживали коррупцию — как до революции, так и после. После революции коррупция сдерживалась установкой на коммунистическое бесребреничество и бескорыстие.

В 2003 г. Китай присоединился к антикоррупционной конвенции ООН. В значительной мере активизировалась деятельность главного партийного органа по борьбе с коррупцией — Комиссии по проверке партийной дисциплины [2, с. 15–19].

Теме борьбы с коррупцией в Китае посвятил несколько страниц в своей книге «Подъем Китая» известный российский историк, публицист, политический деятель Рой Александрович Медведев [6]. По его мнению, «коррупция в разных формах и масштабах существует в любой стране мира, и методы борьбы с ней очень различны». В Китае коррупция — это очень давняя болезнь и существует здесь в самых примитивных и грубых формах. Однако китайское государство прибегает в борьбе с этим злом к очень радикальным методам. Обычный приговор для чиновников любого ранга, уличенных в коррупции, — расстрел. Еще недавно эти расстрелы проводились публично — на стадионах и с последующим показом по телевидению. Ссылаясь на китайские данные, «Российская газета» (от 25 июня 2009 г.) сообщала, что в КНР в 2000–2008 гг. было расстреляно по обвинению в коррупции около 10 тысяч чиновников. Еще 120 тысяч чиновников разного ранга были осуждены в эти же годы на длительные сроки заключения. В списках расстрелянных оказались и известные в Китае люди, такие как олигарх из провинции Гуандун Хуан Гуаньюя, осужденный на долгие годы тюрьмы за незаконную деятельность. Однако вместе с крупным бизнесменом был арестован и мэр города Шэньчжэнь Сюй Цзухэн, который поощрял и прикрывал этот криминальный бизнес. Еще до судебного процесса в комментариях главной газеты КПК «Жэньминь Жибао» писали: «Пусть дрожат люди, похожие на Сюя. Мы окружим их стеной. Шторм только начался». Такие слова оставляли мало надежды для арестованных коррупционеров.

Как писала китайская печать, именно в 2009 г. в Китае был нанесен «сокрушительный удар по коррупции», были привлечены к ответственности за коррупцию несколько тысяч высокопоставленных чиновников на уровне уезда/отдела и около 20 чиновников провинциального и министерского уровня. Так, например, еще в январе 2009 г. был приговорен к расстрелу (с отсрочкой исполнения приговора) бывший вице-мэр города Пекин Лю Чжихуа. Всего за 2009 г. было расследовано почти 14 тысяч дел, связанных с финансовыми преступлениями, ущерб от которых определен суммой в 3,3 млрд юаней [6, с. 214–218].

Российский журналист В. Овчинников, проработавший семь лет собственным корреспондентом газеты «Правда» в КНР, пишет: «широкий резонанс в Китае имело уголовное дело вице-мэра Пекина Лю Чжихуа (был расстрелян за злоупотребления в процессе руководства наукоградом, расположенном в северо-западном предместье Пекина) и первого секретаря (по существу, мэра) Пекина Чэнь Ситуна (получившего шестнадцать лет тюрьмы за коррупцию)».

Поразила коррупция и законодательные органы Китая. Самым громким событием в этой области стало привлечение к уголовной ответственности заместителя председателя ПК ВСНП Чэн Кэцзе, обвиненного в коррупции в особо крупных размерах. Его дело интересно тем, что изъятые в ходе следствия почти восемь миллионов долларов были в последующем присвоены работниками Управления по борьбе с коррупцией. Это привело к новому витку антикоррупционных расследований, затронувших более чем 1300 инспекторов названного выше Управления, из которых 756 получили партийные взыскания, а 73 были привлечены к уголовной ответственности. Громкими были дела против мэра Шанхая Чэнь Ляньюя, присвоившего около 400 миллионов долларов из пенсионного фонда Шанхая, а также заместителя министра общественной безопасности КНР генерала Ли Цзичжоу, который оказался замешан в контрабанде автомобилей и нефти на три миллиарда долларов. Вместе с ним по уголовному делу проходили около двухсот сотрудников полиции и таможни [7, с. 76–79].

В. Овчинников в своей книге приводит пример того, как в КНР пресекли деятельность так называемых финансовых пирамид. В начале 1994 г. в Китае был создан инвестиционный фонд, создатели которого предложили вкладчикам доход в 5 процентов от вложенной суммы в месяц, то есть 60 процентов годовых. Активное участие в работе фонда приняли руководители предприятий, использовавшие не по назначению имеющиеся у них средства (в том числе фонды оплаты труда). Но китайские правоохранительные органы менее чем за год сумели расследовать деятельность фонда. Трое его создателей были отданы под суд и публично расстреляны. После такого жесткого наказания новых финансовых пирамид в Китае не было [7, с. 80].

Евгений Черных в статье «Китай богатеет потому, что учится на ошибках СССР», опубликованной в «Комсомольской правде», сообщил, что на 18-м съезде КПК сменились глава партии и премьер и что на съезде прямо прозвучало: коррупция — угроза развитию страны. И если партия окончательно увязнет в коррупции, это будет стоить государственности Китая. Китайская Компартия смотрит на вещи трезво. Их путь борьбы с коррупцией — демократизация. Расширяется выборность должностей снизу до самого политбюро: его 25 членов выбирались на съезде из 30 претендентов [12, с. 4]. В статье Андрея Яшлавского «Ху из Си? Китайский руководитель пятого поколения: человек-загадка» написано о карьере Си Цзиньпина. Будущий председатель КНР прошел долгий путь, занимая должности в канцеляриях Госсовета КНР и канцелярии Центрального военного совета, работая в органах управления уездов и провинций, возглавляя партийные органы Шанхая.

Будучи избран на пост генерального секретаря КПК, Си Цзиньпин в числе основных проблем, стоящих перед партией, назвал коррупцию. Как было написано в *New York Times*, новый генеральный секретарь, «по-видимому, начнет свое правление с сигналов о закручивании гаек против коррупции. Китайские официальные лица произвели уже немало антикоррупционного шума за последние несколько лет, притом что взяточничество распространяется в обществе словно рак, но антикоррупционная риторика Си более зловещая и агрессивная. Приступая к такому значительному делу в самом начале срока своего правления, он рискует разрушить весь престиж и авторитет, если не покажет результатов» [13, с. 28].

Как было отмечено на XVIII съезде КПК, одной из серьезных угроз китайской государственности выступает коррупция. Именно Си Цзиньпин более решительно, чем кто-либо из предыдущих руководителей КНР, ведет борьбу с ней. В обнародованных канцелярией КПК и канцелярией Государственного совета 19 апреля 2017 г. «Положении о соответствующих пунктах личного доклада руководящего кадра» и «Правилах проверки результатов личного доклада руководящего кадра по соответствующим пунктам» более четко прописывается обязанность китайского чиновника предоставлять достоверную и полную информацию о своей личности и членах своей семьи в партийные органы (российский аналог декларирования имущества). Так, «руководящий кадр» регулярно должен отчитываться о своем семейном положении (включая отчет о вступлении своих детей в брак с иностранцами, переезде членов семьи на жительство за границу, местах их работы и др.); частных поездках за границу, а также в Гонконг, Макао и на Тайвань; привлечении к юридической ответственности себя либо членов своей семьи; зарплате либо иных доходах; личном имуществе и имуществе близких родственников; наличии ценных бумаг у себя либо у близких родственников, счетов за границей; инвестиционной деятельности; участии близких родственников в различных коммерческих структурах и др. Полная прозрачность личной, общественной и государственной жизни чиновника (членов его семьи) для власти рассматривается как залог успешной борьбы с коррупцией.

Для тех чиновников, которые покинули государственную службу, действуют ограничения на устройство на коммерческие предприятия, в посреднические фирмы, если таковые имеют какое-либо отношение к исполняемым ранее должностным лицом обязанностям. Власти также запретили судьям Верховного народного суда работать в юридических компаниях в течение трех лет после увольнения из судебной системы. Статус занятости уволенных судей должен проверяться не менее одного раза в год.

Несмотря на все сложности, имеющиеся в деле борьбы с коррупцией, руководство КНР, как свидетельствует статистика за 2012–2017 гг., показывает довольно неплохие результаты:

- 96 870 человек привлечено по делам о взяточничестве (38,1%);
- 74 925 — по делам о коррупции (29,4%);
- 26 993 — за халатное отношение к служебным обязанностям (10,6%);
- 24 384 — за злоупотребление служебным положением (9,6%);
- 17 173 — за использование не по назначению общественных средств (6,7%);
- 8679 — за совершение иных преступлений (3,4%);
- 4476 — за совершение преступлений из корыстных побуждений (1,8%);
- 919 — за совершение посягательств на права граждан путем использования служебного положения (0,4%).

Вот последняя информация по результатам борьбы с коррупцией в КНР, которую озвучил на страницах январского номера газеты «Аргументы и факты» (2021) корреспондент из Уфы И. Савин: «Лая Сяомина, возглавлявшего китайскую компанию по управлению активами так называемой "большой финансовой четверки", обвинили в получении взяток в 1,79 млрд юаней (276,7 млн долл.). Также он был признан виновным в хищении более 25 млн из государственных

средств. СМИ сообщали, что у Лая Сяомина в квартире в Пекине, которую он прозвал "супермаркет", были сейфы и шкафы, полные наличных денег. У него найдены золотые слитки, роскошные автомобили, банковский счет на имя матери с сотнями миллионов и недвижимость, которую он подарил многочисленным любовницам. "Ляй Сяоминь стоял вне закона и был чрезвычайно жадным", — говорится в заявлении суда. Смертный приговор главному банкиру страны был вынесен без двухлетней отсрочки, что говорит об особой тяжести совершенных им преступлений. Через несколько дней пожизненный срок получил экс-председатель Китайского банка развития Ху Хуайбан за взятки в 85,5 млн юаней» [8, с. 12].

Развернутая Си Цзиньпином борьба с коррупцией проходит под лозунгом «бить тигров, мух и охотиться на лис» (то есть бороться как с крупными, так и с мелкими коррупционерами, требовать возвращения из-за рубежа беглых коррупционеров). В порядке экстрадиции Китаю удалось добиться возвращения 222 коррупционеров (у КНР имеются соглашения о взаимной выдаче преступников с 42 странами), в том числе 35 человек из особого списка «ста беглых коррупционеров». В гражданско-правовой сфере планируется к принятию единый Гражданский кодекс, которого до настоящего времени в Китае нет. Вместо него действуют принятые в новой редакции в марте 2017 г. Общие положения гражданского права КНР (аналог Общей части ГК РФ), а также закон КНР «О вещных правах» (2007), закон КНР «Об ответственности за нарушение прав» (2009), закон КНР «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (2010) и некоторые другие законы (закон КНР «О патентах», закон КНР «О товарных знаках», закон КНР «Об авторском праве», закон КНР «О договорах», закон КНР «О компаниях»), которые в будущем станут составными частями ГК КНР. В марте 2018 г. (с 5-го по 20-е число) в Пекине прошла первая сессия ВСНП нового 13-го созыва. Одним из основных вопросов, включенных в повестку, было принятие поправок в Конституцию КНР.

В свете рассматриваемого нами вопроса особое внимание следует уделить поправке № 21 (статья 52), согласно которой в систему органов государственной власти были включены контрольные комитеты. Также помимо конституционного регулирования деятельность новых органов власти была отражена в специальном законе КНР «О контроле». Необходимость осуществления централизованного управления антикоррупционной политикой была озвучена Си Цзиньпином еще в январе 2016 г. на заседании Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. Вызвано это было существовавшим на тот момент дублированием полномочий комиссий по проверке дисциплины и органов прокуратуры при расследовании коррупционных дел. Это затрудняло общую работу по борьбе с коррупцией, создавало множество формальных проблем процессуального характера.

Включение в текст Конституции КНР раздела «Контрольный комитет» свидетельствует о появлении в Китае новой контрольной ветви власти (которая теоретически была обоснована еще в работах Сунь Ятсена, а практически реализована на Тайване). Новый орган власти — Государственный контрольный комитет — призван обеспечить централизованное осуществление следственных действий в рамках расследования дел о коррупции. Контрольные комитеты объединяют в себе полномочия комиссий по проверке дисциплины и антикоррупционных

управлений прокуратуры. Они наделяются широкими процессуальными полномочиями, а прокуроры из антикоррупционных управлений переходят в их штат. Подобная централизация призвана существенно повысить эффективность борьбы с коррупцией. Кроме того, контрольные комитеты должны охватить своей антикоррупционной деятельностью не только работу органов государства и партийные структуры, но и иные сферы общественной жизни (медицина, образование, наука, спорт и др.).

Вызывает интерес и конституционная поправка № 9 (статья 40), закрепляющая обязанность сотрудников государственных органов публично присягать на верность Конституции КНР. Данное правило впервые получило свое оформление в Постановлении ПК ВСНП от 1 июля 2015 г. и распространялось на членов ВСНП и ПК ВСНП, СНП и ПК СНП, работников Государственного совета, членов Центрального военного совета, судей, прокуроров и других государственных служащих. С 2018 г. это их конституционная обязанность.

Полный текст присяги звучит следующим образом: «Клянусь: быть преданным Конституции Китайской Народной Республики, защищать авторитет Конституции, исполнять установленные законом должностные обязанности, быть верным Родине и народу, честно выполнять свои обязанности, находиться под контролем народа, старательно бороться за превращение Китая в богатую, могущественную, демократическую, цивилизованную, гармоничную, прекрасную социалистическую модернизированную державу» [13, с. 108–126].

18 декабря 2018 г., выступая на торжественном собрании в честь 40-летия «политики реформ», председатель КНР Си Цзиньпин объявил о том, что «в борьбе с коррупцией достигнута убедительная победа». Как это удалось? Как указывает заместитель директора Института стран Азии и Африки Андрей Корнеев, при Си Цзиньпине действительно была развернута широкая антикоррупционная кампания. Количество государственных чиновников и партийных функционеров, привлеченных к ответственности за коррупцию, превышает, наверное, любые ранее имевшие место цифры. Такая непримиримая и беспрецедентная борьба с коррупцией во многом объясняет популярность Си Цзиньпина среди рядовых граждан Китая.

В период, предшествующий приходу Си Цзиньпина к власти, коррупция в Китае достигла невиданных масштабов. Публичная демонстрация сверхдоходов верхушки чиновничьего аппарата вызывала острое недовольство простых китайцев, чувствовавших углубляющуюся пропасть между собой и властью. Си Цзиньпин развернул антикоррупционную кампанию и начал массово привлекать коррупционеров к ответственности (по разным данным, в тюрьмы отправилось до 1 млн человек). Кроме того, в рамках борьбы с расточительством чиновникам запретили публичную демонстрацию своего богатства — обеды в дорогих ресторанах, приобретение роскошных автомобилей и недвижимости. Активизировалась работа по экстрадиции бежавших за границу коррупционеров. При этом руководство Китая постоянно подчеркивало, что борьба с коррупцией будет проводиться на постоянной основе и не закончится никогда [3, с. 18].

На вопрос, поможет ли в борьбе с коррупцией в России опыт КНР, следует ответить утвердительно. Нам следует изучать вопросы контроля за выводом

финансов за рубеж, вопросы отделения руководства партийными органами от органов государственной власти, особенно в субъектах Российской Федерации, дальнейшего развития демократизации, ужесточения мер наказания за коррупцию, конфискации похищенного имущества, воспитания у молодежи высоких морально-нравственных ценностей, необходимости возвращения беглых коррупционеров, создания в Российской Федерации контрольных органов, усиления роли прокуратуры в борьбе с коррупцией с созданием у них следственных подразделений. Вызывает интерес принятие присяги государственными служащими о преданности Конституции страны. На наш взгляд, подобная практика может быть внедрена и в Российской Федерации, ведь Президент страны и главы субъектов принимают присягу, поэтому данное правило может быть распространено на всех государственных служащих.

Литература

1. Барбашин А. Почему нам надо мириться с Америкой // Московский комсомолец. 2013. 13–30 марта. URL: <https://www.mk.ru/politics/2013/03/10/823518-rochemu-nam-nado-miritsya-s-amerikoju.html> (дата обращения: 20.01.2021). Текст : электронный.
2. Бергер Я. Диалог «Россия — Китай» / под редакцией Е. Калужской и др. Москва, 2010. 56 с. Текст : непосредственный.
3. Карнеев А. Поможет ли в борьбе с коррупцией опыт Китая // Аргументы и факты. 2018. № 52. С. 18. Текст : непосредственный.
4. Ли Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000). Москва, 2020. 576 с. Текст : непосредственный.
5. Макурин А. С именем Мао. Чему китайцы учатся у нас, а чему нам стоит поучиться у них // Аргументы и факты. 2018. № 29. URL: https://aif.ru/money/economy/s_imenem_mao_chemu_kitaycu_uchatsya_u_nas_a_chemu_nam_stoit_pouchitsya_u_nih (дата обращения: 20.01.2021). Текст : электронный.
6. Медведев Р. Подъем Китая. Что такое социализм по-китайски? Москва, 2012. 218 с. Текст : непосредственный.
7. Овчинников В. В. Дальневосточные соседи. Москва, 2019. 416 с. Текст : непосредственный.
8. Савин И. За что казнят олигарха в Китае // Аргументы и факты. 2021. № 3. С. 12. Текст : непосредственный.
9. Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник нормативных актов / составитель, редактор и автор предисловия Л. М. Гудошников. Москва, 2004. 430 с. Текст : непосредственный.
10. Соловьев Е. Китай в пятом поколении // Российская газета. 2013. 15 марта. URL: <https://rg.ru/2013/03/14/kitay-site.html> (дата обращения: 20.01.2021). Текст : электронный.
11. Трощинский П. В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект. Москва, 2018. 184 с. Текст : непосредственный.
12. Черных Е. Китай богатеет, потому что учится на ошибках СССР // Комсомольская правда. 2012. 29 ноября. С. 4. Текст : непосредственный.

13. Яшловский А. Ху из Си? Китайский руководитель пятого поколения: человек-загадка // Московский комсомолец. 2012. 28 нояб. — 5 дек. С. 28. Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 04.02.2021; одобрена после рецензирования 09.02.2021; принята к публикации 11.03.2021.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION EFFORTS IN THE PRC

Kapiton A. Budaev
Cand. Sci. (Law), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
kmkaf@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the experience of combating corruption in the People's Republic of China. We have considered the historical and socio-political factors that influenced the spread of corruption in the government apparatus of China, and estimated the anti-corruption measures taken by the current leadership of the Chinese state. The article emphasizes the necessity of adopting certain laws, including those aimed at changing the text of the Constitution of the PRC within the framework of the historical and legal analysis of the development of China's modern legal system. We have analyzed the role of constitutional amendments, dedicated regulations in the prevention and combating corrupt behavior of officials. The experience of anti-corruption activities in China may be used in Russian conditions; in the article we have formulated some proposals in this field. *Keywords:* the People's Republic of China; corruption; anti-corruption policy; constitution; legislation; modernization; legal reform.

For citation

Budaev K. A. Constitutional and Legal Regulation of Anti-Corruption Efforts in the PRC. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2021; 1: 29–41 (In Russ.).

The article was submitted 04.02.2021; approved after reviewing 09.02.2021; accepted for publication 11.03.2021.